

Рена

Жушанова

ХРОМАЯ САЙГА И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

ЛЕНГУНГУРЫ

«Как говорила Апа...» «Апа бы сказала...» Кладезь народной мудрости, знаток хлестких поговорок и смачных пословиц. Все эти «семіздікті кой гана көтереди» и прочие вкусно звучащие выражения в нашем семейном обиходе – от нее. Остроумная и остроязыкая. Смешная. Мудрая. Такой она предстает в рассказах мамы. Мне, увы, глубоко ее узнать не довелось. Когда Апы не стало, я училась во втором классе. Для меня она была малопонятная апашка, к которой мы захаживали в гости. Она носила платок, длинные платья, велюровые камзолы, мягкие сапожки мәсі, на которые, выходя на улицу, натягивала галоши. Двери ее однокомнатной квартирki были всегда открыты для всех. Меня, еще в садиковском возрасте, иногда оставляли у нее, на несколько часов. Апа пыталась угощать. «Мынаны жейсін ба?» – и извлекала из стола-шкафчика блюдечко с изюмом. Я воротила нос.

– Жемеймін!

Она вздыхала, убирала изюм. Доставала кусок торта, купленного в кулинарии.

– Жемеймін! – привередничала я.

Апа, всё так же вздыхая, покорно прятала тарелку с тортом. А я с сожалением думала: торт-то ведь вкусный, наверное... Но не знала, как сказать: «Буду». Помнила только форму отрицания.

У Апы было скучновато. Не наблюдалось ни игрушек, ни телевизора, ни книг. На входе в комнату, рядом с большим сундуком лежало нечто, чем она подметала пол. Называлось «қанат». Я его боялась. Смутно понимала, что это часть чего-то, бывшего некогда живым. Позже мне объяснили, что это всего-навсего гусиное крыло. Апа не признавала веников и щеток.

Высоко, близко к потолку висело под углом большое зеркало. Я ложилась на корпешки у противоположной стены, на спину, пристраиваясь так, чтобы видеть в зеркале отражение пола, устланного полосатой алашой, и представляла, что хожу по потолку. Перешагиваю через невероятно высокий «порог». Так я подолгу забавляла сама себя. Ещё у Апы была небольшая сумочка из светло-коричневой кожи, в которой хранила она документы и фотокарточки. Сидя на ее высокой кровати, я рассматривала содержимое сумки. Заходила соседка по подъезду, простая русская старушка. Рассказывала новости. Апа, практически не говорившая

по-русски, всё же как-то общалась с нею. Кажется, пыталась объяснить, кем же я ей довожусь. Что вот, мол, когда-то она воспитывала маму этой девчонки, когда та со своими братом и сестрой лишились родной матери.

– Так что ж, у ней мать померла, что ль? – спрашивала, глядя на меня, бабулька. «Не знай...» – бессильно отмахивалась Апа, не имея достаточного запаса слов для столь сложных историй...

...В сорок седьмом, когда мой дед Сейтжан Елеусызов похоронил свою первую жену Александру Михайловну, на его руках осталось трое детей. Их первенец Роза, подросток, восьмилетняя Инна – моя мама, и Леон, родившийся за полгода до начала войны. Дед часто уезжал в командировки, с детьми нужно было что-то решать. И перед очередным отъездом он привез из родного Жыланды Айшу, жену своего двоюродного брата Али. «Выписал из аула», – так мы иногда в шутку говорим, проводя смутные параллели с какими-то выписанными из деревень книжными няньками. Айша не говорила по-русски, дети же, в свою очередь, совсем не понимали казахскую речь. Айша-апа казалась им ворчливой, страшной старухой. Одна из многократно слышанных от мамы историй – рассказ о том, как они с дядей Лёкой утопили ведро в колодце. «Давай убежим из дому, а то она опять скажет “ленгунгуры”», – испуганно предложил тогда Леон.

– «Тілеуін құр-құр» («Да не сбудутся твои чаяния»), – смеется мама, – вот что это было за ругательство, а нам казалось – «ленгунгуры»... Убежали мы метров на сто от дома. Нашли пустые головы подсолнухов, выковыривали белую мякоть и ели. Решили, что вполне сможем самостоятельно прожить и так пропитаться. Но, понятное дело, к вечеру вернулись... Апа жалела нас, укладывала с собой спать. Постепенно мы привыкли к ней. Поняли, что она вовсе и не злая... А когда папа вернулся, мы с апой уже понимали друг друга, могли изъясняться.

...Айша и Али. Апа и Ағатай. Их поженили, когда Айше исполнилось четырнадцать. Али был младше. Недаром она всю жизнь называла его «ұл» («сын»). Дети их подолгу на этом свете не задерживались, умирали от болезней. Лишь старший из девяти, Шайзат, достиг совершеннолетия. В 1943-м бог забрал и его. Он не воевал, умер от болезни, двадцати одного года от роду. Вернувшийся с войны живым, Али вскоре загремел на два года, отбывал наказание в лагере под Карагандой.

– Его родственник мешок пшеницы спрятал. Ну, прикрал. Что потом, в совхозной жизни, считалось естественным. Чем больше украдешь, тем лучше живешь. А Ағатай, как бригадир, тогда не принял мер. И кто-то донёс. А самого виновника не посадили, вот в чем ирония-то. Ағатай же сам не был способен на такое. Вообще, не было в нем какой-то оборотливости, умения, ловкости. Ребячливый такой был, наивный. Чистый. «Хоть ведро-два картошки бы повез да продал на базаре», – мечтала Апа, когда по весне открывали подпол и делали «ревизию». Так уж ей хотелось свою копеечку иметь. И пенсия-то у нее была уже потом, после смерти Ағатая, – смех. Двадцать шесть рублей. А минимальная тогда была – десять... Мы Апу считали старушкой. А ей-то было всего сорок четыре года. Папины сотрудницы, соседи наши все ее уважали, называли «Айша-ханым». Красивая она была, достойная. Лёку маленького они с Ағатаем обожали. Меня тоже всё: «Сары қыз, сары қыз»...

Мама замолкает. Задумывается. Ее рассказы о прошлом всегда фрагментарны, обрывисты. И так хочется склеить эти разрозненные цветные осколки в единое целое...

– Ма, Расскажи про то, как к Апе отец ее приходил.

– Апа сама родом была из Теректі, а замуж ее выдали в Жыланды. Год рождения у нее в паспорте, кстати, верно был указан. Она сама всегда говорила: «Қоян жылы тудым» («Родилась я в год зайца»). Значит, замуж ее выдали в год революции. Отец у нее был обыкновенный зажиточный кочевник. В годы коллективизации на них гонения были. Он всего лишился. И вот однажды приходит к дочери, пешком. Переночевал, собрался уходить. Апа хотела ему хлеба дать с собой или пшеницы горсточку. Не взял. «Всё равно отберут. Дай щепотку соли». С тем и ушел. И больше его не видели...

Образы Апы и Ағатая отображены в замечательном рассказе Галихана Ахметова «Астыңғы үй», вошедшем в его дебютный сборник малой прозы «Ер Жанатай» (2005). Здесь использованы настоящие имена и некоторые реалии, но во второй части рассказа начинает преобладать явный художественный вымысел. Насколько оправдан подобный метод, безрезультатно спорят литературоведы, писатели и преподаватели различных литкурсов. Сторонники ортодоксально-художественного письма категорично заявляют, что не стоит делать из живых людей гомункулов. Дескать, мы вот абсолютно все выдумываем, и если берем из жизни что-то, то не более одной характерной черты конкретного прототипа либо какого-то отдельного факта. Другие пишут о той хрупкой перепонке между реальностью и вымыслом, которая в жанрах нонфикшен и автофикшен очень зыбка и неопределенна. Тут можно углубиться в дебри, рассуждая о новой журналистике, ее родоначальнике Томе Вулфе и его последователях. Лично я, наверное, предпочла бы – в данном случае – чистую документалистику. Хотя... Как поется в песне, «легко давать советы – другим, а не себе»....

Вспомнила еще одно любимое нами выражение из арсенала Апы: «Батпан күйрық». И «сау сиырдың боғы емес» – эту пословицу мы тоже часто употребляем. Но это все, так сказать, присловья в рамках литературных норм. Апа же не упускала возможности вставить словцо и посолонее, при этом заразительно хохоча до коллик в животе. «Ішім-ай, ішім-ай!» – не в силах остановиться, сквозь смех приговаривала она в таких случаях.

– С ними было весело, – вспоминает мама, – мы не ощущали в доме какого-то уныния. Не чувствовали себя полусиротами. Апа и Ағатай как-то незаметно окружили нас теплом и уютом полноценного семейного очага. Сами обделенные детьми, всю нерастратченную любовь они изливали на нас. Баловали. И язык мы бы не знали свой, если б не они...

Сейтжан-ата, поселив Али и Айшу в своем доме, совершил мудрый и правильный шаг. Сам оставшийся сиротой в семилетнем возрасте, не помнивший даже смутно своих родителей, он на собственной шкуре испытал всю горечь сиротства. Но бесприютным он не был. Совсем еще юный Али, к тому времени уже обзаведшийся семьей, забрал двоюродного братишку к себе... Теперь же хозяином очага был он, овдовевший Сейтжан Елеусызов. Педагог, исполкомовский работник, директор библиотеки, уполномоченный Совмина СССР по делам религиозных культов. Ничего, по его же собственным словам, тяжелее пишущей ручки до войны не державший. Понятно, что Али и Айша стали его надежным тылом. Сейтжан, Секе, как его уважительно величали, был для них непререкаемым авторитетом.

надеждой и опорой. Светом в окошке. Любовь и благоговение – пожалуй, это были основные их чувства по отношению к нему. «Ўл, барып келші, барып келші», – обеспокоенно подгоняла Апа Агатая, если Секе долго не спускался вниз (они жили в двухэтажном домике, где-то в районе моего музколледжа). Так же сильно беспокоились, когда он задерживался в гостях. В такие вечера Апа не позволяла Агатаю зайти в дом, заставляя его поджидать и встречать брата на улице.

– Вместе с Апой у нас появились две её коровы. Одну мы съели в ту же зиму. Апа, до сих пор помню, сделала очень вкусный шужык. Вторую корову держали для молока. До появления Апы у нас недолго была приходящая домработница, которая таскала из дома все, до чего добирались ее руки, по мере сил и возможностей. Дочку свою отправляла с нами в кино, а сама в это время проворачивала делишки...

Мама улыбается, рассказывая об этом эпизоде без возмущения и с сочувствием.

– Продукты исполкомовским выдавали по талонам, сразу помногу... Конфеты-подушечки... Потом уже Апе было в диковинку, что мы едим их совершенно бесконтрольно. Она это дело пыталась регулировать. Прятала сладости в тумбочку, под замочек. А в тумбочке той... не было дна! Роза доставала мешочек снизу, и мы долго таким вот образом водили Апу за нос...

В рассказе «Астыңғы үй» есть эпизод, когда Апа с Агатаем читают намаз. В действительности же Али не молился, а вот Айша на самом деле всю жизнь, невзирая ни на что, совершала пятикратную молитву. И даже исполняла нараспев, по словам мамы. Все образование Апы на этом и заканчивалось. Молитвам выучилась в детстве у аульного муллы. Писать и читать не умела. С грехом пополам выводила букву «А» – такая у нее была подпись. Али же был грамотен, читал газеты, писал, мешая латиницу и кириллицу. Дед пристраивал его на простые работы. Дворником, например.

Апа с Агатаем мне не достались. Только моей сестре. До трех лет Галя не говорила по-русски, и родители – наивные люди! – всерьез опасались за ее адаптацию в садике. Думаю, тут всё понятно. Наш северный асфальт никаких вариантов не оставлял. Вскоре Галя бойко болтала по-русски, постепенно забывая родной, подаренный ей Апой и Агатаем, язык. Из теплых семейных воспоминаний наших старших мне по-особенному запал в память один момент, словно четкий черно-белый снимок отпечатавшийся в моем сознании. Папа уводит маленькую Галю в детсад. Агатай бежит за ними и машет вслед...

ЦОЙ

Между бывшей Советской и бывшей Коммунистической,
на экс-Менжинского
мужичок в старой аляске
поет под гитару «Группу крови»
тихим глуховатым говорком.
Грязно-серебристая щетинка.
Синяя дребезжащая гитарка.

Обувная коробка с монетками.

Замедляю шаг. Стоять и слушать – у нас не принято – чай, не Арбат.

И мне его жаль. И у нас, очевидно, есть что-то общее.

Любовь к Цою.

Я впервые слушала его в плеере у старшего брата подруги.

Еще в те времена, когда плеер был чем-то диковинным.

Невиданным.

Господи, какая же я древняя.

Брат подруги купил его с рук, и недешево.

И мне потом тоже позарез хотелось иметь плеер.

До такой степени, что я склеила себе коробочку из картона и разрисовала ее довольно искусно, пришпандорив для пущей важности картонные же наушники на веревочке.

Прошли годы, и плееры у меня были всё лучше и лучше. Пока не отошли в историю.

А Цой никуда не отошел. Грустный худощавый поэт с гитарой и трогательной прогенией жив, как никогда.

...на этом же самом месте сиживал один наш великовозрастный студент-теоретик, так и не окончивший колледж – тоже с гитаркой и Цоем. Забрасывал коротко стриженную голову, выставлял худой кадык. И тембр был очень похож. И было это только осенью или весной. В периоды обострений.

...и думая обо всём этом в считанные секунды, выгребаю всю наличную мелочь из карманов. Ради Цоя. Ради этой синей дешевой гитары. Ради всех нас – тех, кому нельзя ничем помочь. Можно лишь пройти мимо и прислушаться.

МАРФА

...Марфа шла, увязая в сугробах. Тяжелые большие валенки, коромысло с полными ведрами. Путь был неровен: крутые спуски, ямы, подъемы в горку. Она останавливалась, вздыхала и снова брела. Серый пуховый платок, овчинный полушубок. Морозное утро. Тьма за окном... Я постепенно просыпаюсь. Мне пять лет. Я такой же меланхолик, как и сегодня. А то и меланхоличнее. Ребенок, которому сейчас предстоит семенить в садик, за руку с папой. Колючий шарф, закрывающий рот. Глуховатый, почти беззвучный скрип снега под моими валенками и ясный весёлый хруст под папиными ботинками... К тоске примешивается лёгкая досада: почему у меня не хрустит так же? Дежурное «забери меня пораньше» со слезами в дрожащем голосе... Папа будил свою младшую дочку с помощью этой мифической Марфы, шагая двумя пальцами по моей спине. Марфа просыпалась затемно, неспешно одевалась и, кряхтя, выбиралась из дома... И я так явственно видела ее, эту немолодую усталую крестьянку. С ее платком, тулупом, самокатками. Неподъемными ведрами на гнупом коромысле. Мне щекотно и смешно. Глаза еще закрыты, щека утопает в подушке. Сознание медленно включается, плавно выплывая на этот свет из мира снов и грёз. Можно вставать, Марфа уже добралась до своей избушки... Вот уже несколько лет, как папы нет с нами. Но он всегда со мной.

ПОПУЛЯРНОСТЬ

– Проходите! Присаживайтесь.

Крепкий мужчина средних лет, в униформе, сидя за монитором, аппетитно отхлёбывает чай из большой кружки, одновременно вчитываясь в направление:

– Пре-по-даватель... Вы же известный у нас в городе поэт?

Пауза. Смятение. Сумбур вместо музыки. Ощущение застигнутости врасплох. В таких местах комфортнее всё же быть неопознанным преподавателем... Так сказать, «прикинуться ветошью и не отсвечивать».

– Нуу, как бы...

– Что? Или я ошибаюсь?

– Просто впервые слышу такое... эээ... в подобной ситуации...

– Вас ведь у нас знают, читают?

– Ну, кто-то читает, наверное, – мямлю без особого энтузиазма.

– Вас знают, не переживайте.

Хотелось спросить: «А кто тут переживает?» Но я лишь слабо улыбнулась в ответ.

– В определенных кругах Вас очень хорошо знают... В ОПРЕДЕЛЁННЫХ кругах, – энергично, словно подчеркивая жирной линией, с нажимом повторил доктор-маммолог и сноровисто застучал по клавиатуре компьютера.

– Раздевайтесь до пояса.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Никогда не ездите электричкой «Ерейментау – Кокшетау». Тем более в то унылое пограничное время года, когда на календаре конец марта, и еще в полях белеет снег, но никакие воды, что бы там ни пелось в знаменитом романсе, нигде не шумят и шуметь не думали. Это хлесткая пощечина, мгновенно развеивающая розовый романтический дымок отечества, который грезился вам из-за бугра. Если вы только что приземлились в аэропорту столицы нашей Родины, а незадолго до того вальяжно катанули по радищевскому маршруту respectable «Сапсаном», вам станет больно. Защемит в груди. Защищлет в глазах. Которые захочется плотно закрыть. Зашторить. Задраить. Дремать, качаясь и подергиваясь в такт убаюкивающему перестуку колёс. Но – нет. Физиология – вещь неотвратимая. Увы, вам придется поднять себя с коричневого дерматина, чтобы заглянуть в уборную. Да-ааа... О, горечь похмелья тяжких разочарований после недельного праздничного угара... Муж, обуянный в ту поездку идеей безопасности, предпочел эту рухлядь обычному минивэну или легковушке. Больше ничего подходящего в ближайшие полсуток не намечалось. И вместо трех с половиной нам предстояло шкандыбать на этом чуде ретротехники целых пять часов.

– Пирожки, пирожки горячие! – маленький, но голосистый шепелявый мужичок с объемистой сумкой на избоченном плече стремительно двигался по вагону. – С картошкой, с мясом, с капустой!

Народ оживился. Зашелестел купюрами, зазвенел полтинниками и сотками. По вагону поползли аппетитные ароматы жареного теста. Мы с мужем пере-

глянулись. Есть нам, конечно, хотелось. Но мы едим жареное, только если собственноручно осуществляли эту вредную термическую обработку. Или в гостях. С умилением смотрим сцену с пирожками на морозе из «Карнавала», где героиня гениальной Муравьевой признается в любви к пирожкам с рисом. «С мясом так вообще праздник», – с набитым ртом говорит она Михайлову. Верим, что ей вкусно. Сглатываем слюну. Такова сила искусства. А в жизни... Мужичок бойко торговал, принимая деньги и отсчитывая сдачу. До странного он был похож на одного тогда еще здравствовавшего, а ныне покойного местного поэта. Такой же мелко-суетливый, с пегим жестким ёжиком на угловатой голове. Трагикомическая смесь обывательщины и юродства. Как-то встретили мы его в городском автобусе. Ехал куда-то с пучком пустых пятилитровых баклажек...

Народ тем временем обнаружил что-то не то в приобретенных и дружно поглощаемых мучных изделиях. Продавца подзывали и тыкали ему под нос недоеденные куски. Раздавались недовольные возгласы. Торговец заметался. Схватился за голову. Раскрыл сумку. Надломил один пирожок. Второй. Вырвал из кармана потрепанный кнопочный мобильник. Что-то растерянно бормоча, набрал номер.

– Рая, Рая. Здравствуй, Рая! А? Дела? Дела не очень. Вот звоню тебе. Рая, Рая-я! – имя далёкой и невидимой поставщицы негодных пирожков вдалбливалось на-зойливым рефреном. Как заклинание. Или позывные. – Тесто, тесто ведь сырое, Рая! Ну как, как ты могла?! – в речи пирожочника звучали аффектированные мелодраматические нотки. – Абсолютно сырое внутри тесто, ну! Людям вот деньги возвращаю! Рая, Рая... – голос продавца взмыл вверх. – Ты подвела меня, Рая!! Ты ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ подвела меня, РАЯ!!!

Мы с мужем валялись от смеха, на время этого бесплатного моноспектакля позабыв о жестких обшарпанных сиденьях, никогда не мытых темно-серых окнах, затхлом запахе старого раздолбанного вагона. А коронная фраза «ты подвела, ты ОЧ-ЧЕНЬ подвела меня, Рая!» у нас с тех пор в семейном обиходе. Произнося ее в юмористическом ключе, всегда вспоминаем ту электричку. И маленького артистичного двойника ушедшего поэта.

ОТЗЫВ

Дело было давно. Третьего января, где-то в начале тысячелетия. Доедаем мамин «Наполеон» и оливье, лениво пересматриваем «Чародеев». Выходной. Передышка накануне зимней сессии.

Звонит подруга.

– Пошли на концерт. В пять часов, в нашем зале.

– ??!

– Да директор позвонил, приглашает нас. Вход свободный. А кто там да что – не знаю. Сказал: хороший камерный концерт, артисты из Киева, что ли.

В колледже царил непривычная тишина. Негустая сиротливая ёлка посреди фойе. Бумажные гирлянды. Снежинки из салфеток по стенам. В разных углах зала разбросано человек двадцать, двадцать пять: кто-то из студентов, но главным образом левый народ. Никаких афишек и объявлений. Сбоку сце-

ны – библиотечный стенд с книжками, дисками и большой фотографией немолодого лысого мужчины в центре композиции. Тихо вышли две улыбающиеся женщины в красочных сари. Та, что в желтом, села за синтезатор по центру сцены. Вторая, в розовом, устроилась чуть поодаль, со скрипкой. Первая тихо объявила имена участниц дуэта. Их непонятные псевдовосточные нэймы причудливо цеплялись к славянским фамилиям. Дальше пошли какие-то мантры нараспев, перемежающиеся небольшими вкрадчивыми справками «об учителе и наставнике Шри Чинмое».

Тянуло в сон. Я огляделась. Слушатели, как и мы, в расстегнутых пуховиках или тулупах, замороженно смотрели на сцену. На галёрке одиноко сидел первокурсник-вокалист. Успел радикально сменить причёску за неделю, что мы не виделись. Каштановый хайр на выбритой голове, худенькая подростковая шея, беззащитно вытянутая над курчавым воротом коричневой дублёнки... Как-то на очередной сессии в консерватории приезжий лектор-музыковед просил напомнить слово, обозначающее пестроту и несовместимость. Кто-то напрягся и выкрикнул: «Полистилистика!» Но лектор, морщась в нетерпении, нервно пошевелил пальцами и затряс головой. «Эклектика», – негромко подсказала я. «Да-да!» – благодарно просиял музыковед... Но и она, эта самая эклектика, имеет право на существование. Так что хай с ним, с хайром. Минус двадцать пять, правда. Сугробы. Передёргивает даже от одного взгляда на бритый затылок. Летом – другое дело. Но я отвлеклась. В те времена на концертах люди в основном слушали и смотрели на сцену, так как еще не было принято беспрестанно пялиться в мобильник. Точнее, сотовые были почти что атрибутом роскоши. Ими владели единицы. Ну, десятки. И мобильного интернета у нас в жизни тоже не было. На дворе тихо тлела эра компьютерных дискет и компакт-дисков. В качестве альтернативы однообразному взгляду на сцену существовала также возможность поглазеть на окружающих. Мы с подружкой переглядывались, пожимая плечами и ухмыляясь. Собственно, слова были не нужны. Мы пребывали на общей волне – волне латентного нонконформизма и явного скептицизма. Волна эта позволяла нам делиться эмоциями даже при абсолютном молчании. Когда нельзя было громко поржать, мы довольствовались усмешками. После концерта директор пригласил меня в кабинет, «на минутку».

– Ну как, понравилось?

Я неопределенно улыбнулась, уже догадываясь о своей роли.

– Тут такое дело. Они попросили у меня отзыв. Положительный, конечно. Так и так, мол, такой-то концерт, с участием тех-то. На полстранички. За моей подписью. Сделаешь?

– Да не вопрос, конечно... Но это же... Хм...

– Что?

– Это ж секта какая-то, нет?

Директор поднял на меня туманный взор. Задумчиво покатал пишущую ручку по столешнице. Погладил усы. Так, должно быть, владыки мира взглядывали на придворных летописцев, когда те, ничтоже сумняшеся, пытались вставить свои пять копеек.

– Ну, ты так, без подробностей. В дебри не лезь. Обтекаемо. О музыке больше. Хорошо?

– Окей. Без проблем.

«Отзыв о концерте.

3 января прошел концерт с участием Икс и Игрек (имена здесь опускаю по понятным причинам – *Прим. автора*). Талантливые киевские музыканты с первых минут заворожили зал: необычное сочетание скрипки, гитары, синтезатора и экзотических восточных инструментов понравилось даже случайным слушателям этого нерегулярного концерта. Тихие, умиротворяющие голоса, призывающие не анализировать, а полностью отдаться музыке и погрузиться в ее мягкие убаюкивающие ритмы, настроили аудиторию на особый лад. Исполнение инструментальных пьес чередовалось с пением мантр, содержание которых предварительно излагалось на русском языке. Между концертными номерами гости из Киева рассказывали о своем духовном наставнике, всемирно известном деятеле, посланнике мира и добра Шри Чинмое. Помимо музыкальных произведений слушатели концерта получили возможность познакомиться и с образцами живописного творчества Шри Чинмоя, выставленными на сцене. Все желающие могли приобрести литературу, касающуюся учения Шри Чинмоя, а также CD-диски с записями его музыки. Спокойно-расслабленное, гипнотическое, медитативное состояние, создаваемое этой очищающей сознание духовной музыкой, охватило значительную часть зала. Приятно отметить, что в беспокойной атмосфере современной жизни с ее стрессами, войнами, стихийными бедствиями и общей нестабильностью есть место подобной музыке, несущей людям мир, душевную гармонию и успокоение».

Этот текст много лет лежит у меня в папке с невразумительным названием «Хаос очень нужного». Перечитываю. Смешно. Погуглила имена проповедниц. Таких концертов по городам и весям постсоветского пространства дано было ими изрядно. Есть и видеоролики. Судя по всему, тетеньки в цветастых сари по-прежнему арендуют залы, неизменно принося людям мир и душевную гармонию.

ХРОМАЯ САЙГА

Мать уже была на старте. Вышла за порог, подхватив две клетчатые сумки, и Мейирбек, преодолевая её сопротивление, мягко потянул к себе один из баулов. Она, как всегда в этих случаях, упиралась:

– Будь я врачом или строителем, ты бы делал за меня мою работу? Нет. Вот и не надо. Суп на плите. Поешь и возвращайся на занятия.

– Мам, но я же не развалюсь, а тебе всё-таки полегче будет...

– Какой у тебя, Куралай, сын-то молодец, тьфу на него, чтоб не сглазить! – базарные торговки улыбались, принимая от Куралай пластиковые стаканчики с горячим чаем.

Обеденный перерыв – самое напряженное для нее время, а потом наступит краткое затишье. Восемь больших термосов надо разнести по точкам и сразу вернуться домой, в их маленькую квартирку на пятом этаже, где в двух десятилитровых кастрюлях уже закипает очередная порция воды.

Мейирбек – рослый, длинноногий парень, Куралай едва поспевает за сыном, пытаясь приладиться к его размашистым шагам. Издали они напоминают страуса и куропатку, бегущих по каким-то общим неотложным делам. Через полчаса у Мейирбека групповой урок, и следующую ходку Куралай совершит уже в одиночестве...

Последние сентябрьские дни, в городе промозгло и ветрено. Отопление, как обычно, дадут только первого числа. Зябко в квартирах, в учреждениях. И улицы не радует. Серое небо, серые прилавки, серые озабоченные лица вокруг. Под ногами противно чавкает слякотное месиво. Ветер с грохотом гоняет пустые пивные банки, раскачивает провода, обдирает с ветвей жалкие остатки листвы. В такую погоду хорошо, должно быть, сидеть, размякнув, в жарко натопленном частном доме. Подбрасывать полешки в печку, мечтать в оцепенении. Медитировать, завороченно глядя в оранжевый глаз огня. Однако холод бодрит и стимулирует к действию. В этом его прелесть.

«Только у нас вы найдете самый лучший товар по самым лучшим ценам!» – назойливо заливаётся над головой деланно-оптимистичный рекламный голос. И, будто продолжая вкручивать в мозг раскаленный прут, следом из радиорубки хлещет нахальный мотив заезженного эстрадного шлягера. Кто-то предприимчивый ловко присобачил незатейливый казахский текст к залихватским ритмам казахской плясовой. Особенно смешно было вот это повторяющееся припевное «хэй, да-нарана-нара». Матери было всё равно, для нее все специфические рыночные звуки давно слились в нерасчлняемый непрерывный гул. «Дешёвка, – думал Мейирбек, на ходу поудобнее перехватывая сумки, – отрывка глобализации, как говорит наш куратор Ерден-агай. Но на базаре, наверное, другого и не надо...»

– Мейирбек, амансын ба! – куратор, лёгок на помине, с любопытством оглядывал своего студента с китайскими баулами и маленькую женщину в тёмном спортивном костюме, мелко семенящую рядом. – У вас же сольфеджио четвёртой парой!

– Здравствуйте, агай, – Мейирбек приостановился. – Не беспокойтесь, я не опоздаю.

Они продолжили свой обход, а куратор, проводив их взглядом, пожал плечами. Талантливый мальчик, самородок, можно сказать. Всего-то образования – два года кружка домбры, где играли на слух, без нот, а схватывает всё на лету. Цепкий, все педагоги отмечают это. И вежливый такой, воспитанный. Документы приходил подавать сам, и выглядит взрослым не по годам. А это, значит, мама его... Что ж, хороший он сын, судя по всему. Хотя руки музыканту надо бы поберечь.

* * *

Куралай благоговейно и с умилением подглядывала, как Мейирбек учит свои непонятные уроки. Иногда подходила, подолгу с любопытством смотрела через плечо сына в страничку нотной ксерокопии.

– Мама, я тогда буду пораньше уходить в колледж, и в выходные тоже! – не выдержав, пригрозил однажды Мейирбек, которого сердили ласковые взгляды и вздохи матери.

– Всё, всё, больше не мешаю.

Куралай покорно отступала и прикрывала дверь в комнату. Мыла посуду, задумчиво слушая долетавшие из-за стенки звуки кобызы – то страшные и заунывные, то будоражащие и визгливо просящие о чем-то, уносились мыслями в прошлое...

Сколько Куралай себя помнила, она всегда была такой. Невысокой, плотноватой, смуглой, с удивлённо приподнятыми тонкими бровями и большими грустными темно-кариими глазами. Только по молодости была она более улыбочива,

с приятными ямочками на круглых щеках, с густыми косами. А когда Куралай пела на аульных праздниках, даже видные парни из городских гостей засматривались, начинали ухлестывать. Правда, стоило ей пройтись, неловко припадая на левую ногу, те испарялись без следа. Но потом появился Азамат. Простой городской работяга, хмурый и неразговорчивый. Смотрел неотрывно долгим тяжёлым взглядом, в котором чувствовалось глухое и тёмное желание. Приглашал в кино. Делал небольшие подарки.

– Иди за него, тебе ли кочевряться, – ворчала мать. – Какой ещё дурак на тебе женится? А он и при работе, и при квартире, и сирота, так что хоть родня его досаждать не будет!

Права была мать, ох и права. Некому было приставать к молодым с докучливыми нравочениями. Как, впрочем, и образумить Азамата, когда он стал прикладываться к бутылке и в пьяном виде распускать руки. Уже дочь была школьница, и сын родился, а муж всё чаще возвращался домой нетрезвым, осыпал жену руганью и гонял их с дочкой по квартире.

– Кто ты есть, а?! Висишь у меня на шее камнем, убогая, а радости от тебя ноль! Уйди с глаз, скройся, сука, чтоб я тебя не видел! – бушевал Азамат, а вслед за липкими комьями слов в неё летели и тяжёлые грязные ботинки, и пустые бутылки, и всё, до чего дотягивались его огромные чёрные узловатые пальцы.

Куралай, беззвучно рыдая по ночам, просила бога об избавлении. И однажды, после очередной попойки, Азамат не вернулся домой. А спустя неделю его показали по местному телевидению. Куралай содрогнулась, узнав обезображенное лицо мужа в сюжете из криминальной хроники. Зажав рот руками, бросилась в туалет, где ее долго рвало, выворачивая наизнанку.

Но, как бы там ни было, отныне она свободна. Никто больше не помешает ей и её детям мирно жить и любить друг друга. Единственное, что смущало, это необходимость каким-то образом существовать на её смехотворное пособие по инвалидности. Она подолгу стояла на лоджии, вглядываясь вдаль сквозь мутную пелену набегающих слёз: с их пятого этажа виднелась вытянутая голубовато-серая тарелка озера, а прямо под окнами ровно шумело беспрестанно шевелящееся человеческое море – центральный городской базар....

Как именно она пришла к своему постоянному бизнесу, Куралай давно позабыла. Среди смутных воспоминаний мелькали её неудачные попытки печь пирожки и бауырсаки на заказ. А потом вдруг на нее снизошло решение мучительной проблемы, будто кто-то резко щёлкнул выключателем, и свет прорезал непроглядную тьму.

В течение многих лет старожилы их прибазарной панельной пятиэтажки изо дня в день наблюдали её неровный челночный бег, которым она передвигалась по одному и тому же маршруту неустанно и бессчетное количество раз. Эту небольшую, сильно прихрамывающую женщину с двумя потрепанными клетчатými сумками знал весь базар. Её жалели, но вовсе не из сочувствия охотно становились её постоянными клиентами. Термосы Куралай сверкали чистотой, работала она в одноразовых перчатках, всякий раз распечатывая свежую упаковку коричневых стаканчиков. Куралай не ленилась, и у нее всегда было шесть разновидностей её товара: с молоком, без молока, чёрный с сахаром, забеленный сладкий, зелёный и травяной. Постепенно она стала монополистом в своём

деле, и никто кроме Куралай не мог втиснуться на это место. Нарисовался и дополнительный источник дохода: владельцы нескольких рыночных магазинчиков взяли ее к себе уборщицей, и с этой работой она тоже справлялась ловко и без видимого напряжения.

* * *

По предмету «Родственный инструмент» ему предлагали и жетыген, и сазсырнай, но Мейирбек выбрал домбру. Он и так уже умел играть несколько нетрудных кюев и пел популярные народные песни в собственном нехитром сопровождении. Но ему хотелось добиться большего. Занятия во время карантина проводились онлайн, а Куралай недоумевала, как же это возможно – музыке учить на расстоянии. Был один большой плюс в том новом и странном режиме: Мейирбек больше теперь был с матерью, да и помогать ей на рынке мог почти беспрепятственно.

– Что это, сынок? – Куралай заинтересованно наблюдала за спотыкающимися движениями его правой руки. – Хромает твоя музыка, прям как я, когда на автобус опаздываю, – хихикнув, женщина вопросительно уставилась в глаза сына.

Мейирбек вдруг замер, оборвав мелодию на всём скаку. Его тихая мать, забитая забулдыгой отцом, которого он почти не помнил, иногда поражала его своими меткими высказываниями. Своей интуицией. Едва окончившая сельскую восьмилетку, она была тонкой и понимающей музыку слушательницей.

– Это Курмангазы, мам.

Мейирбек кашлянул.

– «Аксак киик». Ну, там вроде легенда о том, что Курмангазы на охоте подстрелил сайгу, и она, хромая, кинулась прочь. А он такой, типа, подумал: «Разве в этой жизни ранена только она?»

Куралай все ещё улыбалась, не сразу осознав смысл его слов. Мейирбек отвернулся к компьютеру, что-то нашаривая в интернете. Не смотрел на мать. Она неслышно вышла, в коридоре спиной прислонилась к стене. Зажмурилась до звёздочек в глазах.

– Мам! Ты куда ушла?

Мейирбек выглянул в коридор. Куралай улыбнулась и вытерла уголком фартука увлажнившиеся глаза.

– Я рассказать тебе хотел кое-что, а ты сбежала.

Мейирбек всматривался в лицо матери, пытаясь угадать, что это с ней.

– Да, сынок, давай.

Куралай любовалась им, озаренным в этот миг какой-то очередной волнующей его мыслью.

– Хромые в древности были табуированы, как сакральные существа.

Мейирбек осёкся. Куралай, кажется, не понимала его.

– Ну, как тебе объяснить... Считались священными, что ли, носителями душ умерших, представителями потустороннего мира... И, в общем, нельзя их было обижать. А если вдруг кто-то не в курсе был и всё-таки полез к хромому, потом всегда бывал наказан. Рано или поздно. Поэтому так много кюев с такими названиями. «Хромой кулан», «Хромой баран», «Хромая девушка»...

Мейирбек выжидательно смотрел на мать. Она усмехнулась, потрепав его по щеке.

– Это тебя твой агай просвещает?

– Нет, это наша апай, которая музлитературу ведет.

– Понятно. И зачем ты мне об этом рассказываешь?

Мейирбек смутился. И вправду, зачем? Тормоз он всё-таки. Недогоняющий и чёрствый.

– Mam, ты, это, прости меня... Дурак я.

– Нет, сынок. Всё в порядке. А ты знаешь, что такое «Куралай»?

Он неопределённо поджал губы.

– Мм... Птица какая-то, нет?

Мать смотрела на него с сожалением и любовью. Вот такие они, современные дети. Столько всего знают и умеют, а о чем-то простом понятия нет. Да и после русского садика и школы что он там будет знать? Правда, в кружок домбры при бывшем доме пионеров года два ходил не зря всё-таки. Но таких вот городских русскоязычных ребят особо не мучают, продолжают говорить с ними на русском. Хотя, казалось бы, какая же это нелепица – играть на домбре, не зная языка, петь песни, недопонимая, о чем поешь... Жаль, на домбру в колледже конкурс был большой, но зато взяли в класс кобыза, а не на барабаны какие... Может, и будет из этого толк.

– Иди, спроси у своего Гугла, а мне собираться пора.

Куралай должна была помыть пол в трех магазинах, сразу после закрытия.

– Кстати, это почти то же самое, что и акбокен.

– Ну, мам!

Но Куралай уже скрылась на кухне. В их однокомнатной квартирке кухня всецело принадлежала ей.

* * *

На сорокапятилетие Мейирбек подарил матери золотую цепочку с небольшим кулончиком. Он уже был на третьем курсе, заметно возмужал и оперился. Старшая сестра, Марал, приехавшая из Астаны на маленький семейный праздник, округлила глаза. Она-то ограничилась теплым джемпером на зиму и тостером. Практичные и нужные вещи, самое то для мамы.

– Ты что это, малой, кредит взял?

Встревоженный взгляд Куралай метался между лицами ее детей. А сын, как видно, смаковал свой триумф, оттягивая момент объяснения.

– Да почему сразу кредит! Плоско ты мыслишь, Маралка, стандартно.

– Давай колись уже!

– А как же моя супер-мега-повышенная стипендия, а? Зря я, что ли, круглый отличник? – он откровенно веселился.

Но пора было раскрывать карты.

– Ансамбль у нас с ребятами, по тоям ходим, играем, вот я и откладывал на подарок.

– И мне ни слова не сказал?

Куралай не могла поверить своим ушам. Значит, вот что это было, когда он, по его словам, сидел на дополнительных уроках или ходил по выходным в колледж для самоподготовки.

– Ну, сюрприз хотел тебе сделать, поэтому и не говорил пока!

– И на чем же ты играешь?

Марал ревниво и придирчиво рассматривала подарок брата. Ишь ты, и вкус есть у пацана, ну надо же.

– Как-то кобыз с тоями не вяжется, или я не права?

– На кахоне я играю, на кахоне.

– Это что такое?

– Ну, ящик такой, ударный инструмент. Играешь и сидишь на нём же, удобно. Классная вещь. Скоро еще петь буду, мутация у меня, вроде, прошла, возьму несколько уроков по постановке голоса, и вперёд.

Куралай притянула его к себе и поцеловала в лоб. Ей хотелось плакать, но она сдерживалась, наклоня голову и незаметно смахивая слезинки.

* * *

Вскоре после того дня рождения Мейирбек уехал на республиканский конкурс в Атырау. Занял там третье место и первым делом после объявления результатов набрал мамин номер. Телефон не отвечал. Он раз за разом пытался пробиться, не понимая, что приключилось с мобильником матери. Он у нее самый простой, зарядку держит хорошо и подолгу, и не мог Мейирбек припомнить такого же случая, чтобы мама когда-то была недоступна для него. Только когда сели в поезд, мама ответила. Голос был странный, и совсем не похожими на мамыны были ее слова и интонации. «Да, сынок, молодец, поздравляю тебя, я так рада, возвращайся скорей», – как-то механистично, словно думая о другом, произнесла Куралай, и связь опять прервалась.

– А, так ты тут по телефону кому-то стучишь, гнида?

Вернувшись из комнаты, мужик в черной балаклаве с размаху пнул в живот скорчившуюся на полу Куралай. Вырвал из рук мобильник, швырнув его об стену.

– Говори, где деньги, а то я щас терпение потеряю!

Возвращаясь с базара за очередной партией чая, Куралай не сразу поняла, что в квартиру кто-то проник. Дверь была чуть приоткрыта. Может, сын вернулся? Но почему не предупредил? Куралай по привычке сразу прошла на кухню, и тут ее сбили с ног, напав сзади. Падая, она стукнулась виском об угол плиты, и всё померкло. Выдернула ее из забытья настойчивая вибрация телефона в кармане кофты. «Возвращайся скорей», – пролепетала она, с трудом шевеля губами. Голова раскалывалась. Кастрюли на плите вовсю бурлили, было влажно и душно, окно густо заволоклось белёсым муаром, а старые верные сумки с пустыми термо-сами валялись рядом, как испуганно притихшие зрители на каком-то страшном киносеансе.

– Молчишь? Ну, тогда вот тебе, тварь!

Схватив первый попавшийся ковш, он зачерпнул кипятка, но плеснуть не успел. Куралай жалобно замычала, слабым движением руки показывая куда-то в угол.

– Ну вот, сразу бы так!

Вор кинулся в указанном ею направлении, постучал ботинком по полу, присел, резко надорвал линолеум и в два счета раскурочил дощатый настил небольшим блестящим топориком. Куралай молча плакала.

– О, ну вот и ладушки. Всё, мать. Живи.

Мужик, перешагивая через нее, вдруг нагнулся. Сорвал цепочку с кулончиком, небрежно сунул в карман.

– А вякнешь кому, я к тебе еще приду. И щенка своего побереги, советую.

Хлопнула входная дверь. Куралай с трудом приподнялась, стараясь не наступать на больную ногу. Поковыляла к выходу. Ей почудился резкий вскрик. Она выплянула на двухквартирную площадку. Соседи, конечно, были на работе. Иначе что-то бы да услышали. Ну что ж теперь... Била ее жизнь и раньше, так что удивляться нечему. Она вздрогнула. Головой к намертво запаянному мусоропроводу, ногами на нижних ступенях пролёта лежал ее недавний гость. Куралай, цепляясь за перила, сползла к нему. Мужик был мертв. Шея неестественно вывернута, глаза приоткрыты и неподвижны. Споткнулся, видать, и ухнул вниз, как с обрыва. Перелом основания черепа или что-то такое. Пакет с долларами горбился у него сбоку под курткой. Стараясь не смотреть на мертвеца, она с усилием вытащила деньги. Нашарила в правом кармане кулон с цепочкой. Медленно вскарабкалась по лестнице и тихо закрыла за собой дверь.

* * *

– Ну и дубак сегодня, чайку бы!

– А мож, чего погорячее хватанем в честь праздника?

– Успеется! За нами не заржавеет! Вот обедать сядем, тогда и...

– Во, пральна! А то развезёт на морозе-то!

– А вы слышали, она трешку отхватила в новостройке!

– Кто?! Да ты чё??? И на какие это шиши, интересно??

– А вот! Уметь надо!

– Молодец баба!

– Не, ну скажите, в «Бинго» выиграла она или типа того?

– Накопила, вот и всё!

– Ничё се, накопила! Мифы и легенды Древней Греции?

– Чего?

– Я говорю, чё ж мы с вами так не накопим-то?!

– Да куда тебе. Не сможешь ты так, как она.

– Как «так»?

– По тенгушечке, по зернышку, во всем себя урезать изо дня в день, носить одно и то же, ничего лишнего не покупать. По тоям не ходить. Не курить, не пить.

– Не смехи мои тапочки! «Не пить, не курить»... Ещё со жратвой туда-сюда, с тряпками тоже, но как без допинга?!

– И ещё. Как её муж-алкаш кони двинул, больше с мужиками она не связывалась.

– Молодец, чё скажешь.

– А то.

– Девки, чё там далеко ходить, я и других таких тихонь знаю.

– Эт кого?

– А бабу Зину не помните? Ну, худенькая такая, симпатичная. Лицо такое... Ее бы приодеть, так за учительницу сойдет. Да тут, за акиматом, избушка у нее. Это она шас слегла, а до того постоянно здесь отиралась. С тележкой вечно. Весь город обежит, все помойки проинспектирует. На дрова, на уголь, говорит, ни копыа не тратила отродясь. Всё, чего подбирала, ящики там, дощечки, палки, старые двери, мебель, ветки спиленные – все на отопление пускала. У кого луковица укатится или яблоко под прилавок – всё-всё углядит, ничего не

пропустит, и тоже – рраз, и в свою тележку. Ну, про сбор бутылок и всяческого вторсырья я уж и молчу.

– И чего?

– Чего? Домик купила сыну, вот чего. И это, говорят, у неё далеко не первая покупка недвижимости.

– Ууу! Так, выходит, зря мы тут круглый год топчемся-то, а, бабы? Здоровье теряем.

– Ага. Но ты попробуй, покружи так. Копыта отбросишь на третий день.

– Угу. А то и раньше.

– И эта тоже. Как она со своей ногой снует туда-сюда, понять не могу.

– И ещё ведь тяжести какие. И чего она тележку себе не заведёт?

– А я спрашивала. Неудобно, говорит. Тут-то не Бродвей, поди, по колдобинам нашим много не накатаешь.

– Эт точно!

– А старую хату не продала она?

– Нет, в новостройке-то еще ремонт делать.

– Это ж еще бабла сколько надо, мама дорогая!

– Ну да... А потом эту, наверное, отремонтирует и сыну оставит.

– А дочка? Дочка же у нее в Астане!

– А дочка под ипотеку там квартиру взяла, у нее работа хорошая, так что все в порядке.

– Выходит, всё в ажуре у Куралайки?

– Да... Она говорит, что оберегает ее кто-то. Я не запомнила толком. Чё-то типа какого-то возмездия, что ли, кары небесной.

– Сказки всё это...

– Да не скажи. А иначе чё это было-то? Ведь уже унесли тогда ее деньги!

– Ну дак это ж надо додуматься дома такие бабки хранить, вот идиотка-то блаженная!

– Сама ты блаженная. За языком следи, а то вдруг чего... Тоже эт-самое, того...

– Ша, девки, кончай базар, вон уже и наш чаёк подоспел, горяченький!

Слегка переваливаясь с ноги на ногу, Куралай с улыбкой приближалась к рыбному прилавку. Под новыми сапожками – сыновним подарком – весело скрипел новогодний снежок. А из радиорубки доносился хромящий ритм домбры...

